

Именем
Российской Федерации

ПОСТАНОВЛЕНИЕ КОНСТИТУЦИОННОГО СУДА РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

по делу о проверке конституционности пункта «д» части первой статьи 104¹ Уголовного кодекса Российской Федерации в связи с жалобой гражданки О.А.Андрияновой

город Санкт-Петербург

30 мая 2025 года

Конституционный Суд Российской Федерации в составе Председателя В.Д.Зорькина, судей А.Ю.Бушева, Л.М.Жарковой, С.Д.Князева, А.Н.Кокотова, М.Б.Лобова, Н.В.Мельникова, В.А.Сивицкого,

руководствуясь статьей 125 (пункт «а» части 4) Конституции Российской Федерации, пунктом 3 части первой, частями третьей и четвертой статьи 3, частью первой статьи 21, статьями 36, 47¹, 74, 86, 96, 97 и 99 Федерального конституционного закона «О Конституционном Суде Российской Федерации»,

рассмотрел в заседании без проведения слушания дело о проверке конституционности пункта «д» части первой статьи 104¹ УК Российской Федерации.

Поводом к рассмотрению дела явилась жалоба гражданки О.А.Андрияновой. Основанием к рассмотрению дела явилась обнаружившаяся неопределенность в вопросе о том, соответствует ли

Конституции Российской Федерации оспариваемое заявителем законоположение.

Заслушав сообщение судьи-докладчика М.Б.Лобова, исследовав представленные документы и иные материалы, Конституционный Суд Российской Федерации

у с т а н о в и л :

1. Статья 104¹ УК Российской Федерации определяет конфискацию имущества как принудительное безвозмездное изъятие и обращение в собственность государства на основании обвинительного приговора перечисленного в ней имущества, включая транспортное средство, принадлежащее обвиняемому и использованное им при совершении преступления, предусмотренного статьей 264¹, 264² или 264³ данного Кодекса (пункт «д» части первой).

1.1. Как следует из представленных и дополнительно полученных материалов, гражданин А., супруг гражданки О.А.Андряновой – заявительницы по настоящему делу, приговором Абаканского городского суда Республики Хакасия от 15 августа 2023 года признан виновным в совершении преступления, предусмотренного частью первой статьи 264¹ «Управление транспортным средством в состоянии опьянения лицом, подвергнутым административному наказанию или имеющим судимость» УК Российской Федерации. Суд установил, что А., подвергнутый в 2017 году административному наказанию за управление транспортным средством в состоянии алкогольного опьянения, 22 мая 2023 года вновь управлял в этом состоянии автомобилем, который зарегистрирован на О.А.Андрянову и был приобретен в период брака, т.е. использовал его при совершении инкриминированного преступления. С учетом этого суд постановил конфисковать автомобиль, находившийся в совместной собственности супругов.

Приговор оставлен без изменения апелляционным постановлением Верховного Суда Республики Хакасия и вступил в законную силу 27

сентября 2023 года. 14 декабря 2023 года супруг заявительницы скончался. В этот же день судебным приставом-исполнителем вынесено постановление о передаче обращенного в собственность государства автомобиля в распоряжение межтерриториального управления Росимущества, и 15 февраля 2024 года автомобиль у О.А.Андрияновой был изъят. С решениями судов первой и апелляционной инстанций согласились вышестоящие суды (постановления судьи Восьмого кассационного суда общей юрисдикции от 8 февраля 2024 года и судьи Верховного Суда Российской Федерации от 21 июня 2024 года).

1.2. О.А.Андриянова просит признать оспариваемое законоположение не соответствующим статьям 19 (части 1 и 2), 35 (части 1–3) и 49 (часть 1) Конституции Российской Федерации, поскольку оно позволяет применять конфискацию транспортного средства в отношении лица, не допускавшего противоправного поведения и являющегося наследником гражданина, осужденного за преступление, совершенное при использовании этого транспортного средства, находившегося в совместной собственности с этим лицом, а также не предусматривает механизма защиты прав такого лица, в том числе в части получения равноценного возмещения в счет (взамен) изъятых у него имущества.

Таким образом, с учетом требований статей 36, 74, 96 и 97 Федерального конституционного закона «О Конституционном Суде Российской Федерации» предметом рассмотрения Конституционного Суда Российской Федерации по настоящему делу является пункт «д» части первой статьи 104¹ УК Российской Федерации в той мере, в какой на его основании в системе действующего правового регулирования решается вопрос о конфискации транспортного средства, находившегося в совместной собственности супругов и использованного одним из них при совершении преступления, предусмотренного статьей 264¹ данного Кодекса, после смерти этого лица, осужденного вступившим в законную силу приговором суда.

2. В соответствии с Конституцией Российской Федерации в России как правовом государстве человек, его права и свободы являются высшей ценностью, а их признание, соблюдение и защита – обязанностью государства; признаются и защищаются равным образом частная, государственная, муниципальная и иные формы собственности; право частной собственности охраняется законом; каждый вправе иметь имущество в собственности, владеть, пользоваться и распоряжаться им как единолично, так и совместно с другими лицами; никто не может быть лишен своего имущества иначе как по решению суда (статьи 1 и 2; статья 8, часть 2; статья 35, части 1–3). Будучи одной из основ конституционного строя России, неприкосновенность права частной собственности, как следует из статьи 18 Конституции Российской Федерации, наряду с другими непосредственно действующими правами и свободами человека и гражданина определяет смысл, содержание и применение законов, деятельность законодательной и исполнительной власти, местного самоуправления и обеспечивается правосудием.

Вместе с тем право частной собственности не является абсолютным. Как неоднократно указывал Конституционный Суд Российской Федерации, данное право предполагает не только возможность реализации собственником составляющих его правомочий владения, пользования и распоряжения имуществом в своих интересах, но и налагаемые федеральным законом ограничения, обусловленные – в силу статьи 55 (часть 3) Конституции Российской Федерации во взаимосвязи с ее статьями 8 (часть 2), 17 (часть 3), 19 (части 1 и 2) и 35 – необходимостью защиты конституционно значимых ценностей, в том числе прав и свобод других лиц, общественной безопасности. При этом конституционные гарантии охраны частной собственности законом и допустимости лишения собственника имущества не иначе как по решению суда, выражающие принцип неприкосновенности собственности, а также конституционные гарантии судебной защиты распространяются как на сферу гражданско-правовых отношений, так и на отношения государства и личности в

публично-правовой сфере (постановления от 20 мая 1997 года № 8-П, от 16 июля 2008 года № 9-П, от 31 января 2011 года № 1-П, от 25 апреля 2011 года № 6-П, от 7 ноября 2017 года № 26-П, от 27 декабря 2022 года № 58-П и др.).

3. Регулирование административной и уголовной ответственности в области дорожного движения, исходя из присущих транспортным средствам свойств источника повышенной опасности и связанных с ними рисков, должно обеспечивать в соответствующих отношениях приоритет таких конституционных ценностей, как жизнь и здоровье людей (статьи 7 и 18; статья 20, часть 1; статья 41, часть 1; статья 55, часть 3, Конституции Российской Федерации). Отсутствие правового регулирования, адекватного по своему содержанию и предусмотренным мерам противоправному поведению, угрожающему жизни и здоровью граждан, означало бы устранение государства от исполнения его важнейшей конституционной обязанности и, по сути, приводило бы к ее игнорированию (постановления Конституционного Суда Российской Федерации от 25 декабря 2020 года № 49-П, от 13 декабря 2022 года № 54-П и др.).

Повышенная опасность, создаваемая для окружающих использованием транспортных средств (пункт 1 статьи 1079 ГК Российской Федерации), обуславливает установление особых требований к водителям и состоянию транспортных средств, введение правил дорожного движения и его безопасной организации, включая запрет на любую эксплуатацию транспортных средств лицами, находящимися в состоянии алкогольного, наркотического или иного токсического опьянения (пункт 2¹ статьи 19 Федерального закона от 10 декабря 1995 года № 196-ФЗ «О безопасности дорожного движения»; пункт 2.7 Правил дорожного движения Российской Федерации, утвержденных Постановлением Совета Министров – Правительства Российской Федерации от 23 октября 1993 года № 1090). Нарушение данного запрета создает реальную угрозу жизни, здоровью и имуществу участников дорожного движения (Постановление

Конституционного Суда Российской Федерации от 24 ноября 2022 года № 51-П), а потому обязывает государство вводить особые меры противодействия и дает право на использование в этих целях публично-правовых мер ответственности, включая меры уголовно-правового характера, препятствующие лицам, находящимся под воздействием опьяняющих веществ, управлять транспортными средствами.

Федеральный законодатель, обладая широкой дискрецией в выборе правовых средств реагирования и учитывая общественную опасность управления транспортным средством водителем, находящимся в состоянии опьянения, установил за впервые совершенное такое деяние административную ответственность (часть 1 статьи 12.8 КоАП Российской Федерации), а также предусмотрел уголовную ответственность за управление автомобилем, трамваем либо другим механическим транспортным средством лицом, находящимся в состоянии опьянения, которое ранее уже подвергалось административному наказанию за управление транспортным средством в этом состоянии или за невыполнение законного требования уполномоченного должностного лица о прохождении медицинского освидетельствования на состояние опьянения (часть первая статьи 264¹ УК Российской Федерации).

Такая межотраслевая дифференциация ответственности обеспечивается при оценке соответствующих деяний как совершенных впервые или после наложения административного наказания: если меры административного реагирования оказались недостаточно эффективными, о чем объективно свидетельствует повторное правонарушающее поведение, то следует применение за это поведение более строгого по своей сути уголовного наказания (постановления Конституционного Суда Российской Федерации от 10 февраля 2017 года № 2-П и от 8 апреля 2021 года № 11-П).

Сочетание административной и уголовной ответственности за нарушение указанного запрета оправдано конституционно значимой необходимостью предупреждения общественно опасных деяний, а тем

более новых преступлений, которое понимается как сочетание общей и частной превенций и включает предупреждение совершения нового преступления лицом, привлеченным к уголовной ответственности (Постановление Конституционного Суда Российской Федерации от 31 января 2024 года № 4-П). Соотношение неблагоприятных последствий противоправного и общественно опасного управления транспортным средством в состоянии опьянения позволяет обеспечить соразмерность применяемых правоограничительных мер преследуемым целям как карательного, так и предупредительного свойства, с учетом того что такое виновное поведение собственника транспортного средства свидетельствует о безответственном отношении к своему имуществу и его судьбе, о пренебрежении его повышенной опасностью для других участников дорожного движения.

3.1. Гражданский кодекс Российской Федерации допускает возможность принудительного прекращения права собственности по предусмотренным законом основаниям, включая конфискацию (подпункт 6 пункта 2 статьи 235), устанавливая, что в случаях, предусмотренных законом, имущество может быть безвозмездно изъято у собственника по решению суда в виде санкции за совершение преступления или иного правонарушения (пункт 1 статьи 243). На такое же понимание конфискации имущества – как особой меры публично-правовой ответственности за деяние, которое, по общему правилу, совершено собственником этого имущества, – ориентируют и нормы уголовного законодательства (часть вторая статьи 2 и пункты «г», «д» части первой статьи 104¹ УК Российской Федерации). Если достижение конституционных целей не может быть обеспечено должным образом только с помощью норм регулятивного характера, законодатель должен предусмотреть меры ответственности, адекватные вреду (общественной опасности) правонарушающего поведения (Постановление Конституционного Суда Российской Федерации от 19 февраля 2025 года № 8-П).

Как отмечал Конституционный Суд Российской Федерации в Постановлении от 7 марта 2017 года № 5-П, конфискация орудий и иных средств совершения преступления представляет собой в контексте действующего уголовного законодательства публично-правовую санкцию, структурно обособленную (и, как следствие, автономную) от наказания; как мера уголовно-правового характера, выражающаяся в возложении на обвиняемого (осужденного) обязанности претерпеть дополнительные (по отношению к наказанию) правоограничения уголовно-превентивного свойства, она по своей конституционно-правовой природе соотносима по некоторым признакам с наказанием, но не тождественна ему.

Конфискация состоит в принудительном лишении правонарушителя в судебном порядке права собственности на имущество, связанное с совершением правонарушения, и безвозмездном его обращении в собственность государства. Формально-юридические предпосылки избрания подобной модели нормативного регулирования содержит статья 2 УК Российской Федерации, согласно которой для осуществления охраны прав и свобод человека и гражданина, собственности, общественного порядка и общественной безопасности, а также других перечисленных в ней задач данный Кодекс устанавливает, в частности, виды наказаний и иные меры уголовно-правового характера за совершение преступлений. Именно в качестве иной меры уголовно-правового характера конфискация была возвращена в Уголовный кодекс Российской Федерации (глава 15¹, статьи 104¹–104³) Федеральным законом от 27 июля 2006 года № 153-ФЗ – после ее исключения из данного Кодекса как вида наказания Федеральным законом от 8 декабря 2003 года № 162-ФЗ.

Отсутствие конфискации в перечне наказаний, установленных Уголовным кодексом Российской Федерации, само по себе не исключает с учетом задач уголовного закона возможности принудительного прекращения по судебному решению права собственности на принадлежащие обвиняемому на праве собственности орудия преступления, иные средства его совершения, предметы преступления, что

не освобождает федерального законодателя от обязанности соблюдать конституционные критерии допустимости такого ограничения права собственности, основанные на общеправовых принципах справедливости и соразмерности (пропорциональности).

Оценка же соблюдения указанных конституционных критериев (требований) должна учитывать и тот факт, что по смыслу предусмотренного частью первой статьи 104¹ УК Российской Федерации правового регулирования конфискация является мерой публично-правового принуждения при привлечении лица к уголовной ответственности за соответствующее преступление, дифференцированное применение которой – в отличие от уголовных санкций, предусмотренных Особенной частью названного Кодекса, – не предполагается, в том числе исходя из обстоятельств, как уменьшающих, так и отягчающих степень общественной опасности деяния, инкриминируемого лицу, либо лица, совершившего деяние.

3.2. В соответствии с пунктом 1 статьи 1 Федерального закона от 14 июля 2022 года № 258-ФЗ «О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации и статьи 31 и 150 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации» часть первая статьи 104¹ УК Российской Федерации дополнена пунктом «д», предусматривавшим конфискацию транспортного средства, принадлежащего обвиняемому и использованного им при совершении преступления, предусмотренного, в частности, статьей 264¹ данного Кодекса. Согласно пояснительной записке к законопроекту № 130391-8, ставшему впоследствии Федеральным законом от 14 июля 2022 года № 258-ФЗ, указанное дополнение объяснялось необходимостью недопущения многократного управления транспортным средством в состоянии алкогольного опьянения одним и тем же виновным лицом с целью сбережения жизни и здоровья водителей, пешеходов и пассажиров. Тем самым возложение на обвиняемого (осужденного) обязанности претерпеть дополнительные (по отношению к наказанию) правоограничения в виде конфискации транспортного средства – в

контексте действующего уголовного законодательства – является в том числе специальной превентивной мерой уголовно-правового характера.

Оценивая конституционность данной меры, Конституционный Суд Российской Федерации посчитал, что она соразмерна общественной опасности деяния, носит оправданный и объективно обоснованный характер, направлена на обеспечение общественной безопасности, предупреждение новых преступлений и не предполагает ее произвольного применения (определения от 25 июня 2024 года № 1498-О и от 29 октября 2024 года № 2958-О). Конфискация транспортного средства, применяемая в целях защиты конституционно значимых ценностей, призвана среди прочего обеспечить предупреждение совершения новых преступлений, предусмотренных статьями 264¹, 264² или 264³ УК Российской Федерации, в том числе лицами, привлеченными к уголовной ответственности, лишая их принадлежащих им на праве собственности средств совершения этих преступлений.

4. Гражданский кодекс Российской Федерации предусматривает, что участники совместной собственности, если иное не предусмотрено соглашением между ними, сообща владеют и пользуются общим имуществом (пункт 1 статьи 253), сохраняя такой режим до раздела общего имущества или выдела доли из него (статья 254). В силу пунктов 1 и 2 статьи 34 Семейного кодекса Российской Федерации имущество, нажитое супругами во время брака, признается их совместной собственностью независимо от того, на имя кого из супругов оно приобретено. Тем самым в отношении принадлежащего супругам совместно имущества, приобретаемого в период брака, возникает особый правовой режим, который имеет значение и для решения вопросов о конфискации соответствующего имущества.

Согласно разъяснениям Пленума Верховного Суда Российской Федерации, данным в постановлении от 14 июня 2018 года № 17 «О некоторых вопросах, связанных с применением конфискации имущества в уголовном судопроизводстве», принадлежащим обвиняемому следует

считать имущество, находящееся в его собственности, а также в общей собственности обвиняемого и других лиц, в том числе в совместной собственности супругов (пункт 3¹ в редакции постановления от 12 декабря 2023 года № 45). Если же транспортное средство, использованное для совершения соответствующего преступления, находится лишь во владении и пользовании совершившего преступление лица по договору финансовой аренды (лизинга), а собственником такого транспортного средства является иное лицо, то и конфисковано оно быть не может, как формально не принадлежащее осужденному на праве собственности (определение Судебной коллегии по уголовным делам Верховного Суда Российской Федерации от 29 января 2025 года № 5-УД24-110-К2). Таким образом, действующее правовое регулирование по смыслу, приданному ему официальным толкованием, защищает право собственности иных лиц на транспортное средство, но лишь при условии, что использовавшее его при совершении преступления лицо не является его сособственником, даже если оно предоставляется такому лицу в длительное пользование.

В ситуации же нахождения транспортного средства в совместной собственности супругов, один из которых осужден за преступление, предусмотренное, в частности, статьей 264¹ УК Российской Федерации и совершенное при его использовании, конфискация транспортного средства, предусмотренная пунктом «д» части первой статьи 104¹ того же Кодекса, согласуется с этим правовым режимом имущества, при котором каждый из супругов вправе владеть, пользоваться и распоряжаться имуществом, нажитым во время брака, если не имеется юридически значимых фактов, влияющих на эти правоотношения (включая расторжение брака, раздел имущества, смерть одного из супругов), а также несет равные обязанности, предполагающие ответственное отношение к общему имуществу и его судьбе.

Обусловленное применением пункта «д» части первой статьи 104¹ УК Российской Федерации с учетом его толкования в судебной практике ограничение имущественных прав лица, невиновного в преступлении,

совершенном его супругом (супругой) при использовании транспортного средства, на которое распространяется режим их совместной собственности, может рассматриваться – в силу статьи 55 (часть 3) Конституции Российской Федерации – как обоснованное необходимостью снижения риска совершения новых подобных преступлений высокой степени общественной опасности, чем по замыслу законодателя обуславливалась необходимость применения такой меры, как конфискация принадлежащего этому лицу и использованного им при совершении преступления транспортного средства, впоследствии распространенной судебной практикой на транспортное средство, находящееся в совместной собственности лица, привлеченного к уголовной ответственности, и его супруги (супруга). При этом распространение этого ограничения на права супруга (супруги) лица, совершившего соответствующее преступление, сбалансировано наличием у его супруга (супруги) правомочий по осуществлению мер по контролю за общим имуществом супругов, в том числе по совершению, когда это отвечает его интересам, действий, направленных на своевременный его раздел (определения Конституционного Суда Российской Федерации от 25 июня 2024 года № 1498-О и от 29 октября 2024 года № 2958-О). К тому же не может не учитываться и то обстоятельство, что особый правовой статус семьи и сам характер супружеских отношений предполагают возможность влияния одного супруга на поведение другого, не подразумевающего, по крайней мере, безразличного, а тем более толерантного отношения к повторному управлению в состоянии опьянения транспортным средством лицом, совершившим административное правонарушение, предусмотренное статьей 12.8 КоАП Российской Федерации.

4.1. Смерть лица, совершившего преступление, предусмотренное статьей 264¹ УК Российской Федерации, полностью исключает возможность его дальнейшего общественно опасного поведения. В частности, смерть осужденного за управление транспортным средством в состоянии опьянения неминуемо ведет к объективной невозможности

повторного использования им транспортного средства в этом состоянии. Поэтому, если исходить из обусловленности рассматриваемой конфискации только целью частной превенции, это может дать основания для вывода, что тем самым устраняется обстоятельство, оправдывающее лишение (ограничение) права собственности в конституционно значимых целях (статья 55, часть 3, Конституции Российской Федерации).

Однако исходить из обусловленности рассматриваемой конфискации только целью частной превенции нет оснований. Во-первых, в данном случае она не может быть надежно гарантирована, поскольку конкретному лицу, совершившему преступление, может быть доступен другой автомобиль или денежные средства для его приобретения. Во-вторых, цель частной превенции в сфере уголовно-правового принуждения всегда сочетается с целью общей превенции.

Последняя в большей степени адресована всем гражданам, что создает для них правовую определенность в части последствий их неправомерного поведения в виде конфискации транспортного средства. На первый взгляд, ее значение для иных лиц не уменьшается и не изменяется (не дезавуируется) с отказом от его конфискации в случае смерти осужденного, в том числе в случае, когда транспортное средство находится в совместной собственности с его супругом (супругой). Однако само по себе осознание того, что совершение предусмотренного статьей 264¹ УК Российской Федерации преступления влечет такое последствие, как конфискации транспортного средства, подкрепленное сведениями о реальных случаях, когда такие последствия наступают, выступает фактором сдерживания от управления транспортным средством в состоянии опьянения. Понимание же того, что последствия такого поведения в имущественном смысле затронут не только само это лицо, но и его супруга (супругу), т.е. в конечном итоге всю семью, безусловно усиливает действенность (превентивный эффект) оспариваемой нормы. Более того, и для того супруга (супруги), который не причастен к управлению транспортным средством в состоянии опьянения, это является

дополнительным стимулом для принятия мер (как сугубо гражданско-правовых, связанных с пользованием и распоряжением общим имуществом, так и вытекающих из межличностных семейных отношений), чтобы предотвратить такое негативное для семьи развитие событий.

Нельзя не признать, что эффективность воздействия такой общей превенции, как, впрочем, и частной, в данном случае во многом зависит от уровня материального благополучия соответствующего лица (семьи). Однако законодатель вправе исходить из того, что для преобладающего большинства российских семей автомобиль не является таким имуществом, приобретение которого возможно в рамках обычных текущих расходов, а потому его конфискация окажет серьезное воздействие на жизнь гражданина (семьи), что именно с учетом целей общей превенции не может быть поставлено законодателю в упрек.

Таким образом, хотя ограничение права собственности лица, невиновного в преступлении, совершенном его супругом (супругой) при использовании им транспортного средства, относившегося к их совместной собственности, уже не может быть конституционно обосновано необходимостью предупредить совершение тем же виновным лицом новых подобных преступлений ввиду его смерти, сохранение в случае таковой в силе решения о конфискации конституционно оправдано в системе действующего правового регулирования значением конфискации как меры общей превенции. Смерть лица, совершившего преступление, безотносительно к нахождению транспортного средства в совместной собственности, соответственно, не лишает исполнения данной меры его изначально преследуемой цели и не ведет к нарушению баланса между интересами общества в предотвращении преступлений и необходимостью защиты прав пережившего супруга (супруги), невиновного в совершении предусмотренного статьей 264¹ УК Российской Федерации преступления, нажитое во время брака имущество, а потому применение в этом случае данной меры не может оцениваться как

вступающее в противоречие с предписаниями Конституции Российской Федерации, в том числе ее статей 18, 35 и 55 (часть 3).

4.2. При этом об отсутствии оснований для такого подхода не свидетельствует включение статьи 104 Федерального закона «Об исполнительном производстве» о конфискации имущества в главу 12 этого Федерального закона, также регулирующую отношения, связанные с взысканием штрафа, назначенного в качестве наказания за совершение преступления, и уплатой судебного штрафа, назначенного в качестве меры уголовно-правового характера. Определенная общность этих отношений вкупе с наличием в пункте 1 части 14 статьи 103 Федерального закона «Об исполнительном производстве» предписания прекращать исполнительное производство по взысканию штрафа за преступление в случае смерти должника-осужденного или объявления его умершим не означает, поскольку иное прямо не установлено законодательством, необходимости также прекращать в этом случае и осуществление конфискации.

Отличие конфискации транспортного средства в связи с совершением преступления, предусмотренного статьей 264¹ УК Российской Федерации, от взыскания штрафа состоит в том, что транспортное средство является, по существу, средством соответствующего преступления и находится в распоряжении совершившего преступление лица на момент его совершения. С учетом этого осуществление (продолжение) конфискации после смерти лица, совершившего указанное преступление, не может рассматриваться в качестве необоснованно придающего исполнению решения о конфискации имущества как об иной мере уголовно-правового характера бóльшую принудительную силу, чем наказанию. Тем более когда при жизни соответствующего лица уже состоялся обвинительный приговор, предусматривающий конфискацию, т.е. принято обязательное решение о переходе права собственности из частной в публичную.

Сказанное не исключает возможности федерального законодателя внести в законодательство изменения и дополнения, направленные на

совершенствование правового регулирования конфискации имущества и ее исполнения.

5. Таким образом, пункт «д» части первой статьи 104¹ УК Российской Федерации, как предполагающий в системе действующего правового регулирования, что в случае смерти лица, которое совершило преступление, предусмотренное статьей 264¹ данного Кодекса, решение о конфискации находившегося в совместной собственности супругов и использованного при совершении этого преступления транспортного средства сохраняет свою силу, соответствует Конституции Российской Федерации.

Исходя из изложенного и руководствуясь статьями 6, 47¹, 71, 72, 74, 75, 78 и 79 Федерального конституционного закона «О Конституционном Суде Российской Федерации», Конституционный Суд Российской Федерации

п о с т а н о в и л :

1. Признать пункт «д» части первой статьи 104¹ УК Российской Федерации, как предполагающий в системе действующего правового регулирования, что в случае смерти лица, которое совершило преступление, предусмотренное статьей 264¹ данного Кодекса, решение о конфискации находившегося в совместной собственности супругов и использованного при совершении этого преступления транспортного средства сохраняет свою силу, соответствующим Конституции Российской Федерации.

2. Настоящее Постановление окончательно, не подлежит обжалованию, вступает в силу со дня официального опубликования, действует непосредственно и не требует подтверждения другими органами и должностными лицами.

3. Настоящее Постановление подлежит незамедлительному опубликованию в «Российской газете», «Собрании законодательства

Российской Федерации» и на «Официальном интернет-портале правовой информации» (www.pravo.gov.ru).

№ 25-П

Конституционный Суд
Российской Федерации